

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.75.13>**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ**

Научная статья

Ханова А.А.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0001-6974-1910;¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (hanova94[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается интертекстуальность как конститутивный признак исторического нарратива. Материалом исследования послужили 519 нарративов о Великом шёлковом пути на китайском, русском и английском языках, изученных с применением методов нарративного, контекстуального, дефиниционного и стилистического анализа, а также приема количественных подсчетов. Рассматриваются ключевые фигуры интертекста (цитата, аллюзия, упоминание) и их роль в формировании многомерной семантической структуры исторического повествования. Особое внимание уделяется функционированию прецедентных текстов и фоновых знаний, обеспечивающих культурную преемственность и диалогичность нарратива. Доказывается, что интертекстуальность не только обогащает смысловое содержание исторических текстов, но и актуализирует их в контексте современных геополитических инициатив, таких как «Один пояс, один путь». Результаты исследования подчёркивают роль интертекстуальности в формировании диалогичной и преемственной картины исторического прошлого.

Ключевые слова: интертекстуальность, исторический нарратив, Великий шелковый путь, прецедентный текст, фигуры интертекста, фоновые знания, цитата, аллюзия, упоминание.

INTERTEXTUALITY IN HISTORICAL NARRATIVES ABOUT THE GREAT SILK ROAD

Research article

Hanova A.A.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0001-6974-1910;¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (hanova94[at]mail.ru)

Abstract

The article examines intertextuality as a constitutive trait of historical narrative. The research material consists of 519 narratives about the Great Silk Road in Chinese, Russian and English, studied using narrative, contextual, definitional and stylistic analysis methods, as well as quantitative calculations. Key figures of intertext (quotation, allusion, mention) and their role in the development of a multidimensional semantic structure of historical narrative are discussed. Particular attention is paid to the functioning of precedent texts and background knowledge that ensure cultural continuity and dialogicality of the narrative. It is argued that intertextuality not only enriches the semantic content of historical texts, but also actualises them in the context of contemporary geopolitical initiatives, such as the "One Belt One Road" initiative. The results of the study emphasise the role of intertextuality in the formation of a dialogical and continuous picture of the historical past.

Keywords: intertextuality, historical narrative, Great Silk Road, precedent text, intertextual figures, background knowledge, quotation, allusion, reference.

Введение

Сложная и многоаспектная природа исторического нарратива, а также его высокая степень информационной и семиотической насыщенности обуславливают значительный исследовательский потенциал данного феномена. Вместе с тем в современной научной литературе отсутствуют комплексные лингвистические исследования, ориентированные непосредственно на анализ исторического нарратива. Мы рассматриваем исторический нарратив как хронологически организованное сообщение, соединяющее время истории и время описания данной истории, включающее дескриптивные, объясняющие и аргументационные утверждения о прошлом и показывающее его возможную связь с настоящим. Специфика исторического нарратива заключается в конститутивных признаках исторического нарратива, его языковых характеристиках. К этому ряду относится и интертекстуальность, которая рассматривается в данной статье в качестве одного из центральных признаков исторического нарратива [13]. Именно она позволяет рассматривать конкретный нарратив не как изолированный текст, а как узел в сложной сети источников, пересказов, интерпретаций и репрезентаций.

Цель настоящей статьи — систематизировать определения интертекстуальности и рассмотреть ее функционирование применительно к историческим нарративам о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках. Великий шелковый путь представлял собой обширную сеть сухопутных и морских торговых маршрутов, существовавших примерно со II века до н.э. до XV века н.э. Маршруты Шелкового пути не только способствовали обмену товарами, такими как шелк, специи и драгоценные металлы, но и стали ключевым каналом

для распространения идей, религий, технологий и культурных традиций, играя фундаментальную роль в формировании евразийской цивилизации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематического анализа механизмов интертекстуальности, которые формируют и обогащают историческую картину мира. Понимание этих механизмов способствует более глубокому осмыслению процесса становления исторического знания, выявлению влияния предшествующих текстов на последующие интерпретации и раскрытию функционирования культурных кодов в историческом повествовании.

Методы и принципы исследования

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 519 исторических нарративов о Великом шелковом пути на китайском (134), русском (257) и английском (128) языках. В качестве основного метода исследования выступил нарративный анализ, понимаемый как качественный метод, направленный на интерпретацию повествования с акцентом на его временной организации и структурной целостности [12]. В качестве единицы анализа рассматривается исторический нарратив, обладающий структурными компонентами: повествователь/рассказчик, слушатель/читатель, персонажи, последовательность событий, каузальные отношения, завершенность сюжета и оценочная позиция нарратора [24]. Для разработки понятийного аппарата и уточнения семантики ключевых терминов применялся метод дефиниционного анализа. Методы контекстуального и стилистического анализа были использованы для выявления внутритекстовых связей и описания исторической динамики значимых понятий и категорий, их универсальных и специфических характеристик в различных национальных контекстах. Прием количественных подсчетов применялся для структурирования и аналитической обработки разноязычных нарративов, что позволило выявить фигуры интертекста.

Теоретические основания изучения интертекстуальности

Понятие интертекстуальности является одним из ключевых в современной гуманитарной науке и отражает переосмысление природы текста, авторства и смыслообразования в культуре XX века. Теоретические истоки интертекстуальности связаны прежде всего с концепцией диалогизма М.М. Бахтина [4], согласно которой любое высказывание существует в поле взаимодействия с другими высказываниями. Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой, которая, опираясь на бахтинскую традицию и структурализм, определила текст как пересечение и трансформацию других текстов [11]. В этом контексте смысл возникает не из авторской интенции, а из взаимодействия текстов в культурном пространстве. Существенный вклад в систематизацию интертекстуальных связей внес Ж. Женетт [23], предложивший концепцию транстекстуальности и типологию форм межтекстового взаимодействия, включая интертекстуальность в узком смысле, паратекстуальность, метатекстуальность и гипертекстуальность. Интерпретационный аспект интертекстуальности был развит М. Риффатером, для которого распознавание интертекста является необходимым условием понимания художественного текста. В отечественной науке интертекстуальность активно разрабатывалась в рамках семиотического и культурологического подходов. Ю.М. Лотман [15] рассматривал текст как элемент семиосферы, функционирующий в системе культурной памяти и кодов. Б.М. Гаспаров [5] акцентировал внимание на «языковой памяти» и устойчивых культурных формулах, актуализируемых в тексте. И.П. Смирнов понимал под интертекстуальностью принцип организации художественного текста и литературного процесса [19]. Лингвистическое и дискурсивное осмысление интертекстуальности представлено в работах В.Е. Чернявской, которая подчеркивает функционально-прагматическую роль интертекстуальных включений в тексте [22]. Обобщение и методологическое уточнение понятия интертекстуальности предложено Н. Пьеге-Гро, выделяющей широкое и узкое понимание интертекстуальности и подчеркивающей ее междисциплинарный характер [17].

В узком смысле интертекстуальность определяется как совокупность межтекстовых связей, реализуемых через цитирование, аллюзии, плагиат и иные формы включения одного текста в другой [23]. В широком семиотическом смысле интертекстуальность понимается как способ проявления культурной памяти внутри текста. И.П. Смирнов также отмечает, что интертекстуальность в таком толковании выступает как элемент более общего, родового понятия — «интегральности» [19, С. 11].

Л.Н. Лунькова рассматривает интертекстуальность как структурно-семантический механизм, посредством которого текст формирует свою нормативную и познавательную перспективу через активное обращение к предшествующим текстам. Она подчеркивает роль реминисценций и цитатного слоя в создании многозначности и исторической глубины произведения [16]. По мнению автора, интертекстуальность функционирует как средство репрезентации культурной памяти и как инструмент идеологической артикуляции, позволяя авторам манипулировать референциями для ретроспективной реконструкции контекста. С другой стороны, интертекстуальность предстает как особый способ кодирования смысла, специфика которого заключается в двойной референции: элемент текста отсылает одновременно к прецедентному источнику и к новому контексту, что порождает смысловую полифонию и диалог с культурными архетипами [10]. Подобное понимание коррелирует с концепцией В.Е. Чернявской, для которой интертекстуальность — это «специфическая стратегия соотносительности с другими текстами», динамическая, исторически обусловленная сеть отношений, прагматически направленная и семантически продуктивная [22].

На основе приведенных подходов мы определяем интертекстуальность как комплексный структурно-семантический и прагматический механизм организации текста, основанный на его соотносительности с другими текстами и культурными кодами, при котором смысл произведения полностью или частично формируется за счет отсылок к предшествующим или параллельным текстам, функционирующим как средство репрезентации культурной памяти, порождения смысловой полифонии и диалогического взаимодействия с иными дискурсами.

Фигуры интертекста в нарративах о Шелковом пути

В проанализированном нами материале представлено большое количество интертекстуальных связей, что придает нарративам семантическую объемность и культурно-историческую преемственность. Посредством разнообразных межтекстовых отсылок исторический нарратив актуализирует уже существующие интерпретации прошлого, вступая с ними в диалог и тем самым расширяя собственный смысловой потенциал.

Одной из ключевых форм реализации интертекстуальности в исторических нарративах выступает прецедентность, позволяющая выявить те тексты и культурные источники, которые обладают особым статусом в коллективном сознании и служат опорными точками для осмысления исторического опыта. Прецедентность играет важную роль в организации и интерпретации исторических нарративов, поскольку последние изначально ориентированы на воспроизводство и переосмысление коллективного исторического опыта. Историческое повествование не является автономным: его смысл формируется с опорой на уже существующие знания о предшествующих событиях, персоналиях, географических реалиях и культурно значимых фактах. Прецедентные феномены — прежде всего тексты, события, имена и топонимы — функционируют в историческом дискурсе как носители смысла, активирующие в сознании адресата широкий комплекс ассоциаций и знаний. Таким образом, прецедентность является неотъемлемым условием понимания исторических нарративов, поскольку именно через нее осуществляется связь текста с коллективной памятью, историческим контекстом и культурной традицией.

В структуре исторического нарратива интертекстуальность в целом выполняет специфическую функцию, отражая процессы формирования и трансформации исторического знания [3], и реализуется посредством системы эксплицитных и имплицитных маркеров, направляющих интерпретацию адресата. В этом контексте особое значение приобретает понятие *прецедентных текстов*. Термин, введенный Ю.Н. Карауловым, обозначает тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Таким образом, «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и культуре, тогда как их незнание, наоборот, является предпосылкой отторженности от соответствующей культуры» [9, С. 216].

Г.Г. Слышкин предлагает трактовать понятие «прецедентный текст» несколько шире, сняв ограничения, предложенные Ю.Н. Карауловым: «во-первых, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.), во-вторых, существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот)» [18, С. 28]. Таким образом, под прецедентным текстом он понимает «любую характеризующуюся ценностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [18, С. 28]. В качестве эффективного инструмента для анализа способов актуализации прецедентных феноменов мы используем классификацию Г.Г. Слышкина, который выделяет такие приемы, как упоминание, прямая цитата, квазичитация, аллюзия и продолжение [18, С. 48]. В его концепции «фигуры интертекста» — это конкретные, вербализованные проявления интертекстуальности в тексте, те самые «маркеры» или сигналы, которые и позволяют идентифицировать связь с прецедентным феноменом.

На основе проанализированных нарративов мы смогли выделить следующие фигуры интертекста: цитата, аллюзия, упоминание, фоновые знания. Рассмотрим их для того, чтобы типологизировать и описать конкретные формы присутствия внешних текстов и культурных кодов в повествовании.

Проведенный анализ нашего практического материала позволил выявить, что к эксплицитным маркерам относятся прецедентные имена (Чжан Цянь, Марко Поло, Хань У-ди, Чингисхан, Тамерлан, Сюаньцзан, Конфуций и т.д.) и прямое цитирование, предполагающие полное или частичное включение другого текста. Имплицитные маркеры представлены фоновыми ссылками, которые отправляют читателя к тексту через указание автора и названия без прямого цитирования.

Примерами прецедентных текстов о Великом шелковом пути могут служить классические исторические хроники и записки: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, китайский роман «Путешествие на Запад» У Чэнъэня, «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, «История народа хунну» Л.Н. Гумилева, «The Silk Road: A New History» Валери Хансен, поскольку каждая из книг не просто описывает путь, а сформировала или изменила его образ в культурной, исторической или научной памяти.

Цитата является самой очевидной фигурой интертекстуальности, определяемой в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) как: «стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот» [14]. Н. Пьеге-Гро рассматривает цитату как эмблематическую форму интертекстуальности [17], что подчеркивает ее роль в выявлении взаимосвязей между текстами. Использование точных цитат с указанием источника служит не просто средством иллюстрации или подтверждения высказываемых идей, но и формирует своеобразную диалогичность между текстами, позволяя автору интегрировать уже существующие знания и мнения в собственный текст.

Практическое функционирование цитаты демонстрирует пример из работы Е. Докашевой «Великий шелковый путь. Полная история». Анализируя культурную значимость нефрита, автор цитирует высказывание Конфуция: «...Нефрит, как сила познания, ибо гладок и блестит. Он как справедливость, ибо у него острые края, но они не режут. Он как покорность, ибо стремится вниз, к земле. Он как музыка, ибо издает чистые, ясные звуки. Он как правдивость, ибо не скрывает изъянов, которые лишь усиливают его красоту. Он как земля, а его стойкость рождена горами и водой» [8, С. 11]. Обращение Е. Докашевой к высказыванию Конфуция о нефрите позволяет не только раскрыть символично-философское значение данного материала в традиционной китайской культуре, но и встроить его в более широкий историко-культурный контекст Великого шелкового пути. Нефрит, обладая особым сакральным и

социальным статусом, на протяжении веков выступал важным объектом обмена, что обусловило формирование так называемого Нефритового пути — одного из ранних и значимых маршрутов, впоследствии интегрированных в систему Шелкового пути. Тем самым Великий шелковый путь предстает не только как система материального обмена, но и как пространство циркуляции идей, смыслов и философских концептов.

Работой, к которой мы часто обращались для нашего исследования является книга Л. Гумилева «История народа хунну», которая сама по себе является историческим нарративом — примером того, как можно создавать интегральное повествование, где история, география и культурология сплетены воедино. В качестве цитации мы бы хотели привести следующий пример, когда Л. Гумилев обращается к стихотворению Цюй Юаня «Призывание души»: «*Восточной стороне не доверяйся, там великаны хищные живут и душами питаются людскими...*», «*...И в южной стороне не оставайся! Узорами там покрывают лбы, там человечину приносят в жертву и стряпают похлебку из костей...*», «*...Про вредоносность запада послушай: повсюду там зыбучие пески, вращаясь, в бездну льются громовую. Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!*...», «*На севере не вздумай оставаться: там громоздятся льды превыше гор, метели там на сотни ли несутся...*» [7, С. 36]. Использование Л.Н. Гумилевым данного отрывка служит примером интертекстуальности, где цитата выполняет не декоративную, а системообразующую функцию. Этот прием превращает поэтический фрагмент в ключевой семиотический узел, связывающий миф, поэзию и научную теорию в единое поле культурного смысла.

В качестве эпиграфа к главе под названием «Чжан Цянь, проложивший путь на Запад» в книге «Шелковый путь на кончике кисти» автора Фэн Ишу [20], используется стихотворение поэта Ду Фу:

*Послан на поиски Желтой реки истока,
С края Небес он вернулся по этой дороге
Сколько он пробыл там, где погонщик быков его встретил?
Везут до сих пор скакунов Ферганы из краев этих.*

Стихотворные строки о путешествии по дорогам, пересекающим предгорья, и о встрече с погонщиком быков отражают дух странствий и открытий, характерный для исследовательской деятельности в древнем Китае. Лирический герой, отправленный «на поиски» источника реки, символизирует не только физическое путешествие, но и стремление человека к познанию, что подчеркивает философскую глубину текста. В данном контексте дорога, по которой он возвращается, становится символом как реального пути, так и внутреннего движения к самопознанию и пониманию своих корней. Упоминание о «скакунах Ферганы», знаменитых своим качеством и красотой, служит не просто дополнительным фрагментом лишь к описанию пути, но и акцентирует социально-экономический аспект жизни в этом историческом контексте — торговли, обмена, культурных связей. Это создает целостный образ не только исследуемого региона, но и жизнедеятельности людей, обитающих вдоль данной торговой артерии.

Аллюзия. Данный термин вошел в употребление во многих европейских языках уже в XVI веке и подразумевает словесный намек на определенный текст, который известен адресату. Советский и российский литературовед В.Е. Хализев трактует аллюзию как намеки на реалии современной общественной жизни, создаваемые в произведениях об историческом прошлом [21]. В контексте исторического нарратива аллюзии служат катализаторами для активации коллективной памяти и культурного контекста, на которые мысленно опирается автор, предлагая читателю декодировать скрытые смыслы. В исследовании, посвященном проекту «Один пояс, один путь», демонстрируется характерный пример аллюзии. Авторы, анализируя влияние географического фактора, заключают: «Тем самым подтвердилась закономерность: "география — это судьба"» [1]. Афоризм, восходящий к Наполеону Бонапарту, используется для лаконичного выражения ключевой идеи о детерминирующей роли пространственного расположения стран в реализации проекта. Инициатива «Один пояс, один путь» — масштабная долгосрочная стратегия Китая по развитию глобальной инфраструктурной, торговой и инвестиционной связности, выдвинутая в 2013 году, является прямой аллюзией к Великому шелковому пути по нескольким ключевым причинам, которые глубоко связаны с геополитическими, экономическими и историческими параллелями. Сама формулировка «Один пояс, один путь» намеренно отсылает к историческому торговому маршруту. «Пояс» (сухопутный) и «Путь» (морской) призваны воссоздать обширную сеть взаимосвязей, аналогичную той, что существовала вдоль Шелкового пути. Это название создает образ исторической преемственности, позиционируя «Один пояс, один путь» не как нечто совершенно новое, а как современное возрождение древних торговых и культурных связей. Основная цель аллюзий обычно заключается в том, чтобы имплицитно донести до реципиента авторскую оценку политических фигур, общественных событий, а также содержания высказывания.

Упоминание. Данную фигуру интертекста Г.Г. Слышкин определяет как способ введения в текст чужого слова/чужого текста в форме названия или отсылки без обязательного воспроизведения самого фрагмента. То есть автор не цитирует и не пересказывает источник, а лишь обозначает его присутствие: называет автора, произведение, героя, событие, термин, устойчивую формулу и т.п., рассчитывая на узнавание адресатом [18]. Е. Докашева, автор книги «Великий шелковый путь. Полная история», нередко обращается к упоминанию других работ, посвященных Шелковому пути, делая это с целью углубления и расширения проблематики своих текстов. Например, она ссылается на значимую работу известного российского ученого Л. Гумилева «История народа хунну», которую мы уже рассмотрели выше: «Лев Гумилев, автор труда «Из истории народов хунну», употребляет вместо «сюнну» монгольское наименование гуннов — «хунну»». Данная работа посвящена изучению четырех народов: хунну, хазар, тюрков и монголов. Описывая жизнь народов, автор упоминает известные тексты: «А ведь в Степи могли бы создаться поэмы — патетичнее «Илиады», мифы — фантастичнее «Эдды», рассказы — не хуже «1001 ночи»,» выражая тем самым эмоционально-оценочное эксплицитное суждение, но не в понимании «лучший» или «худший» народ, а в исторической беспристрастности. Л. Гумилев, рассуждая о Шелковом пути, употребляет текстовую аллюзию для усиления выразительности мысли, которую он хочет донести до адресата [7]. Полагая, что истории народов могли бы послужить

рассказами для сборника восточных сказок и легенд, где каждый сюжет поражает своей уникальностью, а яркие и экзотические персонажи оживают на страницах книги.

Фоновые знания. В интерпретации исторического нарратива фоновые знания выступают ключевым фактором, обуславливающим вариативность понимания текста. Согласно О.С. Ахмановой, фоновые знания представляют собой «взаимное понимание реалий между говорящим и слушающим», формирующее основу языковой коммуникации [2, С. 489]. Данная категория включает не только совокупность фактов, но и широкий культурно-исторический контекст, обеспечивающий эффективность коммуникации [6]. Отсутствие общих фоновых знаний может приводить к коммуникативным сбоям, искажению смысла или неполному пониманию текста. Особую значимость этот аспект приобретает при анализе исторических нарративов, где успешная интерпретация требует учета культурных различий и специфики исторического контекста. Наличие фоновых знаний в нарративах о Великом шелковом пути демонстрирует следующий пример: «蘭州，群山環抱，固若金湯，因此命名為金城，喻其堅固，是絲綢之路上的重要節點城市», «蘭州，群山環抱，固若金湯，因此命名為金城，喻其堅固，是絲綢之路上的重要節點城市» [25] (Ланьчжоу, окруженный горами, которые как непреступная крепость, поэтому их называют «железные стены», город, который является одним из важных узловых городов на Великом Шелковом пути) (здесь и далее перевод автора – А.Х.). В данном примере фоновые знания проявляются как интертекстуальность/прецедентность через устойчивый литературный фразеологизм «固若金湯» («неприступный, как крепость») и историческое название города «金城» («Золотая крепость»).

Эти элементы являются отсылками к общей для носителей китайской культуры текстовой традиции. Их использование превращает простое географическое описание в символический и оценочный образ, насыщая нарратив дополнительными смыслами: город предстает не просто узлом на пути, а неприступной, легендарной цитаделью. Данный пример наглядно иллюстрирует, как фоновые знания превращают простое описание в многомерный исторический нарратив, раскрывающий географические, стратегические и культурные аспекты функционирования Ланьчжоу в системе Великого шелкового пути.

Заключение

На основании проведенного нами анализа можно утверждать, что интертекстуальность выступает неотъемлемым, системообразующим свойством исторического нарратива. Именно она обеспечивает его диалогическую природу, смысловую глубину и включенность в непрерывную сеть культурных текстов. В нарративах о Великом шелковом пути интертекстуальность реализуется через устойчивый набор фигур — цитату, аллюзию, упоминание. Важнейшими механизмами, обеспечивающими работу интертекстуальности, являются прецедентные тексты и фоновые знания. Они выступают как носители коллективной памяти, обуславливая вариативность понимания исторического повествования и обеспечивая коммуникацию между автором и подготовленной аудиторией. Показательно, что интертекстуальные связи не только обогащают прошлое, но и активно актуализируют его в современном дискурсе. Это особенно очевидно в случае с наследием Шелкового пути, которое постоянно реинтерпретируется и включается в новые контексты, такие как современная геополитическая инициатива «Один пояс, один путь». Таким образом, интертекстуальный анализ исторических нарративов доказывает свою высокую методологическую продуктивность. Он позволяет вскрыть механизмы смыслообразования, выявить стратегии формирования исторической картины мира и глубже понять, как коллективная память конструируется и транслируется через текст.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Анохов И.В. Проект «Один пояс — один путь»: гармонизация долгосрочных интересов России и Китая / И.В. Анохов, А.П. Суходолов // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 3 (66). — С. 89–110. — DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-89-110.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 470 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
5. Гаспаров Б.М. Функции реминисценций из Данте в поэзии Пушкина / Б.М. Гаспаров // Russian Literature. — 1983. — Т. 14. — Р. 317–350.
6. Гехтляр С.Я. Интертекст как источник социально-культурной составляющей фоновых знаний / С.Я. Гехтляр // Вестник БГУ. — 2017. — № 1 (31). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-kak-istochnik-sotsialno-kulturnoy-sostavlyayuschey-fonovyh-znaniy> (дата обращения: 30.11.2025).
7. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае: три века войны Китая со степными народами III–VI вв. / Л.Н. Гумилев. — Москва : Наука, 1974. — 235 с.

8. Докашева Е.С. Великий шелковый путь: полная история / Е.С. Докашева. — Москва : АСТ, 2020. — 319 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 264 с.
10. Кремнева А.В. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедальность: точки соприкосновения / А.В. Кремнева // Филология и человек. — 2017. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-interdiskursivnost-intermedialnost-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 21.12.2025).
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 1993. — С. 427–457.
12. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. — Москва : Гнозис, 2011. — 368 с.
13. Леонтович О.А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики / О.А. Леонтович, А.А. Ханова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 6. — С. 167–180. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.6.12.
14. Литературный энциклопедический словарь / под общей редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
15. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993) / Ю.М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. — 704 с.
16. Лунькова Л.Н. Проблема интертекстуальности в рамках лингвистического анализа художественного текста / Л.Н. Лунькова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-intertekstualnosti-v-ramkah-lingvisticheskogo-analiza-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 21.12.2025).
17. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с.
18. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : монография / Г.Г. Слышкин ; Московский государственный лингвистический университет. Научно-учебный центр языка и культуры Северной Евразии имени князя Н.С. Трубецкого. — Москва : Academia, 2000. — 128 с.
19. Смирнов И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1995. — 280 с.
20. Фэн И.Ш. Шелковый путь на кончике кисти / И.Ш. Фэн; пер. с кит. — Москва : Шанс, 2019. — 240 с.
21. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2000. — 398 с.
22. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие / В.Е. Чернявская. — Москва : Директ-Медиа, 2014. — 267 с.
23. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degree / G. Genette. — Paris : Editions du Seuil, 1982. — 468 p.
24. Leontovich O.A. Chinese narrative song: structure, language and historical dynamics / O.A. Leontovich, A.V. Simonenko // Russian Journal of Linguistics. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chinese-narrative-song-structure-language-and-historical-dynamics> (accessed обращения: 07.01.2026).
25. 百度百科. — URL: <https://baike.baidu.com/item/比喻/177147> (已访问: 12.11.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sukhodolov A.P. Proekt «Odin poyas — odin put'»: garmonizaciya dolgosrochnyh interesov Rossii i Kitaya [One Belt One Road Project: Harmonization of Russia's and China's Long-Term Interests] / A.P. Sukhodolov, I.V. Anokhov // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. — 2019. — № 3 (66). — P. 89–110. — DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-89-110. [in Russian]
2. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms] / O.S. Akhmanova. — Moscow : Soviet Encyclopaedia, 1966. — 608 p. [in Russian]
3. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Fiction Literature, 1972. — 470 p. [in Russian]
4. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Iskustvo, 1979. — 423 p. [in Russian]
5. Gasparov B.M. Funkcii reminiscencij iz Dante v poezii Pushkina [The Functions of Dante Reminiscences in Pushkin's Poetry] / B.M. Gasparov // Russian Literature. — 1983. — Vol. 14. — P. 317–350. [in Russian]
6. Gekhtlyar S.Ya. Intertekst kak istochnik social'no-kul'turnoj sostavlyayushchej fonovyh znaniy [Intertext as a Source of the Socio-Cultural Component of Background Knowledge] / S.Ya. Gekhtlyar // Vestnik BGU [Bulletin of BSU]. — 2017. — № 1 (31). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-kak-istochnik-sotsialno-kulturnoy-sostavlyayushchej-fonovyh-znaniy> (accessed: 30.11.2025). [in Russian]
7. Gumilev L.N. Hunny v Kitae: tri veka vojny Kitaya so stepnymi narodami III–VI vv. [The Huns in China: Three Centuries of China's War with the Steppe Peoples of the 3rd–6th Centuries] / L.N. Gumilev. — Moscow : Nauka, 1974. — 235 p. [in Russian]
8. Dokasheva E.S. Velikij shelkovyj put': polnaya istoriya [The Great Silk Road: A Complete History] / E.S. Dokasheva. — Moscow : AST, 2020. — 319 p. [in Russian]
9. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian Language and Linguistic Personality] / Yu.N. Karaulov. — Moscow : Nauka, 1987. — 264 p. [in Russian]
10. Kremneva A.V. Intertekstual'nost', interdiskursivnost', intermedial'nost': tochki soprikosnoveniya [Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: Points of Contact] / A.V. Kremneva // Filologiya i chelovek [Philology and Man]. — 2017. —

№ 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-interdiskursivnost-intermedialnost-tochki-soprikosnoveniya> (accessed: 21.12.2025). [in Russian]

11. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel] / Yu. Kristeva // Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. — Moscow : Progress, 1993. — P. 427–457. [in Russian]

12. Leontovich O.A. Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikaciyu [Introduction to Intercultural Communication] / O.A. Leontovich. — Moscow : Gnozis, 2011. — 368 p. [in Russian]

13. Leontovich O.A. Istoricheskij narrativ: konstitutivnye priznaki i yazykovye kharakteristiki [Historical Narrative: Constituent Features and Linguistic Properties] / O.A. Leontovich, A.A. Khanova // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. — 2024. — Vol. 23. — № 6. — P. 167–180. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.6.12. [in Russian]

14. Literaturnyj enciklopedicheskij slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] / under the general editorship of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. — Moscow : Soviet Encyclopaedia, 1987. — 752 p. [in Russian]

15. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Stat'i. Zametki. Vystupleniya (1962–1993) [The Structure of the Literary Text. Semiotics of Cinema and Problems of Film Aesthetics. Articles. Notes. Speeches (1962–1993)] / Yu.M. Lotman. — Saint Petersburg : Iskusstvo-SPb, 2005. — 704 p. [in Russian]

16. Lunkova L.N. Problema intertekstual'nosti v ramkakh lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta [Intertextuality within the Linguistic Analysis of a Literary Text] / L.N. Lunkova // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika [PFUR Bulletin. Series: Linguistics]. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-intertekstualnosti-v-ramkah-lingvisticheskogo-analiza-hudozhestvennogo-teksta> (accessed: 21.12.2025). [in Russian]

17. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti [Introduction to the Theory of Intertextuality] / N. P'ege-Gro. — Moscow : LKI Publishing House, 2008. — 240 p. [in Russian]

18. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse] : monograph / G.G. Slyshkin ; Moscow State Linguistic University. Scientific and Educational Center for Language and Culture of Northern Eurasia named after Prince N.S. Trubetskoy. — Moscow : Academia, 2000. — 128 p. [in Russian]

19. Smirnov I.P. Porozhdenie interteksta: elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka [The Generation of Intertext: Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Works of B.L. Pasternak] / I.P. Smirnov. — Saint Petersburg : Saint Petersburg State University Publishing House, 1995. — 280 p. [in Russian]

20. Feng I.Sh. Shelkovyj put' na konchike kisti [The Silk Road at the Tip of the Brush] / I.Sh. Feng; transl. from Chinese. — Moscow : Shans, 2019. — 240 p. [in Russian]

21. Khalizev V.E. Teoriya literatury [Theory of Literature] / V.E. Khalizev. — Moscow : Higher School, 2000. — 398 p. [in Russian]

22. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Linguistics of Text: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity] : textbook / V.E. Chernyavskaya. — Moscow : Direct-Media, 2014. — 267 p. [in Russian]

23. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degree [Palimpsests: Literature in the Second Degree] / G. Genette. — Paris : Editions du Seuil, 1982. — 468 p. [in French]

24. Leontovich O.A. Chinese narrative song: structure, language and historical dynamics / O.A. Leontovich, A.V. Simonenko // Russian Journal of Linguistics. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chinese-narrative-song-structure-language-and-historical-dynamics> (accessed обращения: 07.01.2026).

25. Baidu Baike. — URL: <https://baike.baidu.com/item/比喻/177147> (accessed: 12.11.2025). [in Chinese]